

УДК 81
УДК 23

Иером. Мефодий (Зинковский)

*Общecerковная аспирантура и докторантура
имени святых Кирилла и Мефодия (г. Санкт-Петербург)*

ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Аннотация. В статье даётся философско-богословский обзор употребления концепта «личность» с античности до наших дней, рассматривается история этого понятия в русском языке. Опровергается мысль об отсутствии в древнерусском мышлении потребности в терминах, обозначающих индивидуальное начало. Отмечена близость понимания термина в современной лингвистике и богословии. Этимология слова «личность», восходящая к понятию «лик», а также близость терминов «личность», «лицо» и «образ» подтверждают возможность и необходимость богословского употребления термина «личность» наряду с традиционными греческими терминами «ὑπόστασις», «πρόσωπον» и латинским «persona».

Ключевые слова: личность, лик, апофатизм, гуманизм, триипостасный Бог, человек.

Methody (Zinkovskiy), hieromonk

SS Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies (St. Petersburg)

THE NOTION OF PERSON AS A RELIGIOUS, PHILOSOPHIC AND LINGUISTIC CONCEPT

Ключевые слова: личность, лик, апофатизм, гуманизм, триипостасный Бог, человек.

Abstract. The paper presents a concise philosophical and theological review of the concept of “person” from antiquity to the present day and the history of this concept in the Russian language. The author discards the idea of the absence of terms denoting an individual being in Old Russian thinking and highlights the similarity of understanding the concept “person” in modern linguistics and theology. The etymology of the word “person”, going back to the Slavic root “lic”, as well as the proximity of the Russian terms “person”, “face” and “image” confirm the need for theological use of the term “person” along with the traditional Greek terms “ὑπόστασις”, “πρόσωπον” and the Latin “persona”.

Key words: person, lic, apophatism, humanism, Three-Hypostatic God, human.

Понятие личности в современном мире

В современном мире существует ярко выраженная тенденция к вырождению представления о человеческой личности, когда «личность человека стандартизируется, обобщается, стирается». Человек «забывает собственное лицо, деперсонализирует себя» [8, с. 258] изнутри, находясь под прессингом деперсонализации снаружи [28, р. 3]. «Современность с ее секулярным сознанием, секулярными

© Иером. Мефодий (Зинковский), 2014.

наукой и культурой исходит из идеи о дохристианской и вне-христианской основе личности. Это точнее всего выражено в понятии «автономия» [7, с. 334]. Протопресв. К. Коман отмечает: «Антропоцентризм европейской цивилизации вынудил человека встать на стезю саморазрушения, демонстрируя неопишное презрение к уникальной ценности человеческой личности» [11, с. 76]. Происходит суррогатная подмена представления о человеческой личности либо ложной броской «неповторимостью», представляющей собой лишь примитивную количественную комбинацию уже встречавшихся в опыте человека внешних поведенческих признаков, либо лжеподражанием другим, интуитивно ощущаемым характерным чертам личности: свободе, творчеству и др. «На место живой человеческой личности приходит нечто виртуальное, а жизнь превращается в игру, в перформанс» [16, с. 10]. Мы становимся свидетелями крайностей «индивидуалистической самодостаточности» и «коллективистского антиперсонализма» [5, с. 9] одновременно. Гуманизм обкрадывает человека, которого так хотел возвеличить, постепенно вс более лишая его фундаментальной основы его бытия – личностного начала. Гуманитарный индивидуализм и эгоизм, как корень греха, обернулись страшной деформацией человеческой личности.

При том, что вопрос о сущности человеческой личности может показаться для многих лишь теоретическим, философско-богословским и отвлеченным от повседневных потребностей нашей жизни, реальность подтверждает совсем другое. Непрерывно растущие проблемы биоэтики, педагогики, нравственности и даже

политические и экономические вопросы, в конце концов, сходятся, как к некоторому фокусу или мысленному эмбриону, из которого формируются впоследствии полноценные мировоззренческие системы, к вопросу о том, кто или что есть человек, каковы понятие и ценность его личности, законы ее развития и нормы отношений к ней.

Спорность и неоднозначность понятия человеческой личности

Вторая половина XIX в. и весь XX в. ознаменовались активным ростом интереса к понятию *человеческой личности* как в богословии и различных направлениях философской мысли — от экзистенциализма и философской антропологии до марксизма, так и в различных ветвях психологии. Спорность понятия человеческой личности наглядно отражается в том, что доньше существуют такие направления богословской и философской мысли, которые либо настаивают на условности, ограниченности применения термина «личность» к человеку, либо вообще категорически отрицают возможность, адекватность и осмысленность использования этого термина в христианской антропологии [26]. Распространено мнение о неадекватности приложения термина «ипостась» в смысле понятия «личность» к человеку, ведутся споры в современном богословии о влиянии персонализма и экзистенциализма на понимание личности [30, р. 159–160], развиваются различные концепции об условности личности в человеке¹.

¹ В частности, в учении Л.П. Карсавина о «софийной личности» нужно подчеркнуть противоречивость положения о том, что «однолицо или ипостась» может содержать «в качестве частей другие лица», см.: [13].

«В наше время слово *личность* часто употребляется как синоним индивидуума, что создаст немало недоразумений и путаницы», ибо «личность и индивидуум означают реальности, поистине диаметрально противоположные» [18, с. 156]. Более того, понятие *личности* просто отрицается рядом современных течений научной мысли, «вдохновляемых стремлением естественных наук уменьшить различие между человеком и животным» [18, с. 156]. Одновременно, представители персоналистического богословия настаивают на том, что современные достижения естественных наук «проливают даже еще больше света на неизреченную тайну человеческого субекта (личности), так же как и на личностные отношения, существующие между человеческими субектами и между ними и Богом, Который превосходит всякий разум» [32, р. 214]. Действительно, «вопрос богословского понимания личности является “местом встречи” европейской мысли Нового времени и древнего церковного умозрения. Это весьма сложная проблема, над которой еще предстоит серьезно поработать современным богословам» [24, с. 54].

Историческая неоднозначность понятия «личность», очевидно, состоит, прежде всего, в отсутствии онтологического осмысления личности в мысли древних философов или, по крайней мере, лишь в некоторых нам как на вызревание такового осмысления¹. Эта неоднозначность коренится еще и

¹ «Греческая классическая литература понимает свободного гражданина и раба в их личной целостности как живое тело. Однако личность только тогда получает исходную целостность, когда тело обединяется с душой (Исократ)» [12, с. 520].

в том, что откровение об онтологическом «принципе персоны»² лишь приготавливалось в рамках ветхозаветной библейской мысли, а осмысление в новозаветной истории этого откровения было достаточно длительным и порой противоречивым. Формирование современного философско-богословского понятия *личности*, относимого к человеку, несмотря на все разнообразие мнений о его окончательном, точном определении, стало «революционным» прорывом в общечеловеческом интеллектуально-социальном поле именно благодаря новозаветному откровению о Троицеобразном Боге. Бурное развитие в XX в. персоналистической философии человека, различных течений в науке о психологии человеческой личности говорит, с одной стороны, об актуальности и востребованности осмысления концепции «личного бытия», а с другой – предлагает множество различных и порой противоречивых толкований смысловой нагрузки понятия *человеческой персоны*. Как отмечают исследователи, «немногие слова имеют столько смысловых уровней, как слово “персона”» [27, р. 18].

Многие богословы и философы до сих пор считают проблему определения понятия *человеческой личности* нерешенной. «Не случайно, – писал немецкий философ Д. Гильдебранд, – что античность так и не смогла ясно осознать природу человеческой личности. Но даже в христианской философии все еще не постигнута до конца природа человека и особенно те черты, что делают его личностью» [5, с. 22–23]. Исследователь отмечал: «Мы еще не разработали с философской точки

² «Господь даровал нам свет откровения Персоны» [21, с. 240].

зрения поразительное богатство идей, заложенных в Откровении. Мы часто принимаем евангельские положения как самоочевидные, не понимая до конца их философского значения» [5, с. 22–23].

Апофатизм и онтологическая открытость понятия личности

Богословское определение, данное выдающимся богословом XX в. В.Н. Лосским понятию *персоны* в антропологии, являясь, по сути, глубоко апофатичным, признается рядом современных богословов «капитулянтским», поскольку не дает определения понятию в строгом философско-логическом ключе, а, скорее, избегает подобной дефиниции. «Не-сводимость» *личности к природе*, сформулированная В.Н. Лосским, пользуется характерной для апофатизма отрицательной приставкой «не» и определяет личность не как нечто «несводимое», но именно как принципиальную «не-сводимость». Это не удовлетворяет многих мыслителей, поскольку получается, что «человеческая личность не может быть выражена понятиями. Она ускользает от всякого рационального определения и даже не поддается описанию» [17, с. 103]. Однако, апофатическое богословие, как известно, далеко не тождественно агностицизму, хотя и может кого-то подтолкнуть к подобной крайности. Понятие *личности* потому и представляет особый интерес для исследования, что, на наш взгляд, принадлежит качественно отличному от природного аспекту бытия, не подчиняющемуся привычным для человеческого ума описательным категориям. Более того, мы надеемся доказать в нашем исследовании, что именно личность Бога и человека, в силу

своей онтологической открытости к общению и вразрез со своим апофатическим определением, нивелирует принципиальную опасность агностицизма в познании Бога и человека, раскрывая бесконечные перспективы перед познающим человеческим субъектом, ибо ««персона» может быть постигаема экзистенциально» [31, р. 43] и, «будучи неопределяема в статическом аспекте», проявляет себя «в динамическом аспекте в экзистенциальном событии» [15, с. 103–104]. А поскольку познание Бога всегда связано в Св. Писании и Предании с опытом и проблемой обожения, то «сотериологическая необходимость обожения» оказывается связана напрямую с «тайной и глубиной» понятия человеческой личности [1, с. 140].

История бытования термина в русском языке

Мнение отдельных исследователей о том, что слово «личность» на Руси долгое время (до второй половины XVII в.) практически не использовалось «за отсутствием в реальности его денотата – того, что мы сегодня называем личностью», представляется ошибочным. Аргумент, что человек «еще не мыслил себя в отдельности от своей семьи, рода, некоей общности, частью которой он являлся, и абстрактное понятие, указывающее на конкретного человека как на самостоятельную духовную сущность, ему, собственно говоря, не очень и требовалось» [3, с. 271], и что исследуемое понятие появилось лишь в результате влияния европейских языков на русский, не является убедительным.

И, если собственно слово «личность» в русском языке и появляется достаточно поздно и действительно

испытывает влияние европейской культуры в своей смысловой нагрузке [4, с. 175], тем не менее, этим проблема этимологизации данного понятия не исчерпывается. Так, латинское слово «*persona*» вошло в варианте «парсуны» в древнерусский словарь уже в XIV в. в значении «лицо», «личность» [22, стлб. 882]. Одновременно, Ю.С. Степанов соотносит прилагательное «личный» с церковнославянским «ликом», одним из значений которого было также «лицо» [23, с. 714], являвшееся, в свою очередь, многозначным понятием, включающим, согласно *Словарю русского языка XI–XVII вв.*, и значение «отдельный человек, личность» [19, с. 254–257]. Вместе с тем известно, что однокоренное и «перекрывающееся» в смысловом плане со словом «лицо» слово «личина», в значении «маска», совпадающее с одним из значений термина «*persona*», употреблялось на Руси уже в XIII в. [22, стлб. 33].

Исторически далеко не вдруг и не просто происходит описываемый филологами процесс дифференциации понятий «лицо» и «личность». Чуждость чисто лексического разграничения *лицо* – *личность* «не могла реализоваться без столь же четкого понятийного разграничения: *лицо* (человек вообще) и *личность* (человек-индивидуальность)» [2, с. 150–151]. Можно сказать, что и в современном русском языке эта дифференциация не стала абсолютной.

Языковая картина усложняется еще и рядом других терминов, которые могли служить для описания и обобщения «свойств человеческой индивидуальности». Таковым является, например, древнерусское слово «самость», встречающееся в рукописной

Логике, дошедшей до нас в списках уже XV–XVI вв. (см.: [20]). Кроме того, в XVI–XVII вв. и далее в русской письменности получает распространение «для обозначения человеческой особи» слово «особа» [10, с. 306]. И хотя эти слова не остались в активном словаре современного языка, их употребление опровергает упомянутую выше идею об отсутствии необходимости в каких-либо терминах, обозначающих индивидуальное начало в древнерусском мышлении.

Очевидно, что у древнерусского человека, как и у древнего человека вообще, присутствовало гораздо более ясное понимание родового единства, нежели у современного человека – отпрыска индивидуалистической европейской цивилизации. Но этот факт вовсе не отрицает возможность совместимости «родового мышления» с интуитивным осознанием каждым человеком своей неповторимой индивидуальности.

Анализ лингвистической литературы, касающейся этимологии слова «личность», показал, что его корень восходит к славянскому «лик», близкому по смыслу к греческому термину «*πρόσωπον*», сыгравшему значительную роль в развитии богословия ипостаси как в тринитарном, христологическом, так и в антропологическом богословии. Если семантика слова «личность» возводится современными лингвистами к «лику», линии изгиба «щеки» [25, с. 480] (в том числе изгиба «вокруг» глаз), к «тому, что смотрит навстречу» [14, с. 225; 9, с. 289, 293], то по той же модели оказывается построенным и греческое приставочное существительное «*πρόσωπον*» – «часть лица, относящаяся к глазам» и / или

то, «что находится напротив глаз» [6, с. 78–79; 29, р. 769].

«Лицо человека – это то, что он показывает миру, представляет ему. Именно по лицу мы узнаем человека, в лице отражается его характер, настроение, намерения, его отличие от других людей. Не удивительно, что именно из этого круга понятий возникает слово, обозначающее человека как индивидуальную сущность, как человеческую личность» [4, с. 178]. Исследователи отмечают также близость лексем «личность», «лицо» и «образ»; ср. следующие выдержки: «Слова, выражающие исследуемое нами понятие (“маска”, “личина”, “лик”, “облычье”), из которого развилось современное русское слово “личность”, принадлежат к древнейшему слою общеиндоевропейской лексики и многочисленными связями соединяют личность с самыми разнообразными семантическими полями, внося в него дополнительные оттенки значений и смыслов, актуализирующихся в том или ином контексте»; «Древнее понятие лика / личины очень близко тому, что мы сегодня называем личностью. Происхождение личности из лика / личины оказывается не только подтвержденным данными языка, но и семантически оправданным» [4, с. 208, 197, 220].

Близость понимания термина в современной лингвистике и богословии

Интересно, что посредством лингвистического анализа новейшей поры оказывается возможным приблизиться к богословской интерпретации понятия «личность». Так, например, Н.Н. Вольский в своем курсе *Лингвистической антропологии* приходит

к утверждению о мета-природности человеческой личности и связывает ее с «жизненной программой», «как-бытием», т.е. с модусом / тропосом существования. Так, он говорит, в частности, что «никакие свойства тела и особенности функционирования нервной системы не являются кардинальными чертами личности», что «личность не является синонимом индивидуальности», «не совпадает с “душой”» или «комплексом устойчивых характеристик души (психики)» и «ускользает от нашего анализа», поскольку «мы никак не можем обнаружить ее, разбирая “человека” на составные части» [4, с. 224–226, 233]. Н.Н. Вольский подчёркивает ошибочную склонность человека к отождествлению личности с «индивидуальными отличиями», не являющимися существенными личностными чертами, которая выражается в наречении имени индивидуума согласно его природным особенностям [4, с. 230].

Личность человека в видении лингвиста-антрополога оказывается напрямую связанной со «способом взаимодействия с другими существами и предметами мира», она обладает «своим способом бытия», характеризующимся свободой целеполагания и «единством проекта и его осуществления» [4, с. 217–218, 235].

Однако, для взвешенного анализа результатов антропологических научных исследований, включая и лингвистические, оказывается очевидной потребность в богословском их осмыслении. Так, глубокие по своей сути наблюдения Вольского, тем не менее, приводят его к ошибочным выводам о «до-личностном» и «личностном» типах человека, преувеличению значе-

ния тропоса бытия над сущностью и к разбиению людей на «типы», различные по сущности¹.

И хотя Н.Н. Вольский считает, что люди «личностного» типа являются качественно «новыми» в истории человечества, он не выходит за рамки отождествления «личности» с тропосом бытия или «программой» существования, считая только программу личностного человека качественно отличной от программы человека «родового» [4, с. 233, 235]. Свобода, существующая лишь для человека «личностного» типа, оказывается связанной с категориями «случая» и «счастья» [4, с. 234]. Но это есть, несомненно, примитивизирование, поскольку обобщенная категория счастья актуальна для всякого человека, для всякой личности. Счастье – это ощущение включенности в гармонию бытия, осуществление логосов-замыслов Бога о себе, осуществляемая личным свободно-прозрительским согласованием своего бытия с логосами-словами-мыслями Бога.

Проведенный анализ филологически обосновывает адекватность и актуальность рассмотрения богословского употребления русского понятия «личность» наряду с традиционными греческими терминами «ὀλόστασις», «πρόσωπον» и «χαρακτήρ», а также с латинским «persona».

¹ Ср. следующие выдержки: «родовой» человек «не является личностью, и мы должны отнести его к единственной известной нам разновидности доличностного типа человека»; «сущность создаваемой вещи зависит не только, и не столько от “материалов”, из которых она строится, сколько от структуры целого, от “формы” (в самом широком смысле слова), в которую организуется материал»; «выделяя людей, объединяемых категорией “мы”, т. е. “тех, кто имеет ту же сущность, что и я”...» [4, с. 217, 229].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антоний (Суражский), митр. Образ и подобие. Беседа 28 марта 2002 года // Антоний (Суражский), митр. Уверенность в вещах невидимых. – М.: Никея, 2012. – С. 139–150.
2. Будагов Р.А. История слов в истории общества. – М.: Просвещение, 1971. – 272 с.
3. Виноградов В. В. История слов. Около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М.: Азбуковник, 1999. – 1138 с.
4. Вольский Н.Н. Лингвистическая антропология. Введение в науки о человеке. Курс лекций. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. – 238 с.
5. Гильдебранд Д., фон. Новая Вавилонская башня. Избранные философские работы / Пер. А.И. Смирнова. – СПб.: Алетейя, Ступени, 1998. – С. 7–64.
6. Завершинский Г., прот. Богословие диалога. Бубер и христианство // Богословие личности / Под ред. А. Бодрова и М. Толстуженко. – М.: Изд-во ББИ, 2013. – С. 73–86.
7. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – М.: Республика, 1997. – 368 с.
8. Иоанн (Шаховской), архиеп. Ценность и личность. – Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. – 544 с.
9. Камчатнов А.М. О символическом истолковании семантической эволюции слов лице и образ // Герменевтика древнерусской литературы XI–XIV вв. – М., 1992. – Сб. 5. – С. 285–299.
10. Кокорев А.В. Из истории русского литературного языка первых десятилетий XVIII в. // Виноградов В.В. История слов. Около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 305–309.
11. Коман К., протопресв. Священник Думитру Станилоэ: переводчик, истолкователь и продолжатель святоотеческой традиции // XVIII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. Т. 1. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. – С. 73–81.

12. Лосев А.Ф. История античной эстетики. В 8-ми т. Книга II. – М.: Искусство, 1994. – 848 с.
13. Лосский В.Н. Кафолическое сознание // Лосский В.Н. Богословие и Боговидение. Сборник статей. – М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 2000. – С. 568–580.
14. Мурьянов М.Ф. Об одной пушкинской эпиграмме // Известия Академии наук СССР, Серия литературы и языка. – 1989. – Т. 48. – № 3. – С. 215–230.
15. Николай (Сахаров), иеродиакон. Понятие образа и подобия у архимандрита Софрония // Богословие. Философия. Культурология. Труды высшей религиозно-философской школы (4). – СПб., 1997. – С. 101–117.
16. Резник М.И. Смирение и послушание в контексте учений о личности XX в.: дис. ... канд. психол. наук. МПГУ. – М., 2005. – 160 с.
17. Сабиров В.Ш. Любовь как откровение Личности — Божественной и человеческой // Человек. – 2003. – № 6. – С. 100–110.
18. Симеон (Брюшвайлер), архим. Тайна и измерение личности // Альфа и Омега. – 2004. – № 1 (39). – С. 155–169.
19. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ред. Ф.П. Филин. В 29-ти вып. – М.: Наука, 1981. – Вып. 8. – 404 с.
20. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV — XVII вв. // Сб. ОРЯС АН. – 1903. – С. 401–408.
21. Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога, как Он есть. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2009. – 398 с.
22. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. В 3-х т. – М.: ГИС, 1958. – Т. 2. – 901 с.
23. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
24. Филарет (Вахромеев), митр. Владимир Лосский — богослов от Бога // Журнал Московской патриархии. – М., 2003. – № 12. – С. 51–57.
25. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. – М.: Русский язык, 1994. – Т. I. – 624 с.
26. Шичалин Ю.А. О понятии «Личности» применительно к Троициному Богу и Богочеловеку Иисусу Христу в православном догматическом богословии // Вестник ПСТГУ. Богословие. Философия. – 2009. – Вып. 1 (25). – С. 47–72.
27. Balthasar H. On the Concept of Person // *Platonica Minora*. – Munich: Fink, 1976. – P. 18–26.
28. Harrison N.V. God's Many-Splendored Image: Theological Anthropology for Christian Formation. – Baker Publishing Group, 2010. – 207 p.
29. Lohse E. Πρόσωπον // *Theological Dictionary of the New Testament*. 10 Vols. – Grand Rapids, 1964–1976. – Vol. VI. – P. 769–781.
30. Papanikolau A. Being with God, Trinity, Apophaticism and Divine-Human Communion. – University of Notre Dame Press, Indiana, 2008. – X. – 238 p.
31. Sophrony (Sakharov), arch. His Life of Mine. – Oxford: Mowbrays, 1977. – 128 p.
32. Staniloae D. Theology and the Church, The Problems and Perspectives of Orthodox Theology. – N.Y. St.Vladimir's Seminary Press, 1980. – 240 p.